

ДУША, ОТКРЫТАЯ ДЕТЯМ

РАССКАЗЫ ОБ АКТЕРАХ

— Игорь Михайлович, хочу вас похитить Розу Грибанову в перерыве между спектаклями...

И тут, к удивлению моему, решительный, страстный, горячий режиссер теряется:

— Я не знаю... Как Роза... По-моему, она не сможет. Не умеет она отвлекаться даже в перерывах. Впрочем, попробуйте...

Москалев оказался прав. В антракте я попыталась договориться с актрисой театра кукол Розой Грибановой о встрече. Но взглянула в ее угасшие, счастливые глаза и сразу пожалела, что подошла к ней. Роза еще жила в сказке, она была во власти героини своей — приветливой, доброй, истинно русской Бабы из «Курочки Рябы». Только что отложила куклу в сторону, сняла перчатки, но руки еще ощущали кукольное тело, его гибкость, каждое его движение. И голос не повиновался, актриса говорила голосом своей героини: чуть протяжно, улыбчиво, ласково.

И я перестала замечать влажные волосы, ручейками сбегавшие по вискам капельки пота на лице, неровное ее дыхание. Вот сейчас Роза снова уйдет за ширму, и снова малыши в зале будут радоваться появлению ее удивительно обаятельной Бабы. Но светились не только детские лица. И взрослые на час забывались, незаметно обращались в таких же наивных несмышленишек, как их дети.

Наблюдая за реакцией в зале, я отчетливо представляла, как чуть-чуть, за ширмой, прислушивается к зрителям Роза, как волнуется, как переживает за весь спектакль, не только за свою Бабу. И вспомнился мне наш давний с ней разговор, как она пришла в театр.

— Как и большинство девочек, мечтала я стать актрисой. Очень хотелось сниматься. Бежали, бывало, с сестричкой в кино и ахали от восторга: вот это Орлова, это — Ладина! Но никакой надежды у меня не было. Была я худенькой, некрасивой, рыженькой такой, незаметной. Обидно было: сколько вокруг красивых людей, а я вот какая — вся в веснушках... Но все равно попыталась поступить в студию при нашем драмтеатре. И надо же — поступила!

На одном из занятий в студии Роза приглянулась режиссеру театра кукол Н. И. Никифоровой. Было что-то необъяснимо привлекательное

в движениях, голосе, манерах этой легкой девушки. И Розу пригласили в театр.

— Мне крупно повезло, — призналась потом Роза. — Как только я взяла куклу в руки, как и полюбила ее сразу. И уже не представляла себе, как это раньше не задумывалась о кукольном искусстве...

В студии посмеивались: в куколки решила играть! Им-то, ее сокурсникам, грезились большая сцена, огромный зал, восторженные овации. А Роза «заболела» куклами всерьез. И потому с готовностью и присутствием ей темпераментом окунулась в первый же спектакль.

Но вот собрались кукольные в кабинете директора театра. Тесно, народу много, шумно. Роза, пока еще новичок, несмело присматривалась к будущим коллегам. А когда начали читать пьесу, совсем смутилась: как это она станет гавкать собачкой при всем народе? Да у нее и не получится, наверное.

Трудно сейчас припомнить, что это была за пьеса, — было это пятнадцать лет назад. Но вдруг замаякал один актер, заквакал другой, пьеса ожила, заиграла. Сквозняком юной дебютантки как рукой сняло. И она залилась звонким, голосистым лаем. С тех пор больше не чувствовала застенчивости перед неожиданными ролями.

Роза стала учиться мастерству куколоведения, работать над ролью. Тут как-то непринужденно она выбрала себе в учителя Тамару Ивановну Долгову, актрису большого таланта, человека чуткой, тонкой натурой, трудолюбивой, бескорыстной в своем искусстве. Роза не пропустила ни одной репетиции с ее участием, ловила каждое движение, жест, интонацию, глаз с нее не спускала. А потом сама пробовала повторить своего кумира, подражать ему, следовать за ним.

Но это было в самом начале творческого пути Розы Грибановой. Постепенно она сама находила свои решения мизансцен, искала свой путь к кукле, подбирала голос герою, своим почерком рисовала образы. Тщательно обрабатывала она, отбирала кукольные жесты, повороты, обыгрывала ими паузы. Так появлялись милые сердцу ее Чернавка («Сказка о мертвой царевне»), Петя Стоеросов («Слон и Зоя»), Баба («Финист — Ясный Сокол»). Это были первые шаги начинающей актрисы.

Куколки... Легко было провозгласить бывшим сокурсникам Розы. Чаше всего актеров просят вспомнить курьезные случаи из их театральной жизни. Их всегда наберется не один десяток, и таких потешных! Розе вспомнился грустный эпизод.

Шел спектакль «Снегуркина школа». Р. Грибанова вела главную роль — Снегурочку. Все шло вроде бы гладко. Роза слушала затаенную, удивленную тишину в зале и купалась самозабвенно, сладко, весело в своей роли. Но вдруг она почувствовала, что лицо покрывается крупными градинками пота, куда-то отодвинулась ширма, кукла в руке стала невыносимо тяжелой. На мгновение отключилось сознание.

Сказалось огромное, просто нечеловеческое напряжение, молодая актриса по неопытности своей не рассчитала силы, вот и случился обморок. Неловко чувствовала себя потом Роза. Но удивливый, мягкий говорок Т. И. Долговой успокоил ее: всякое бывает в жизни актера, нужно постоянно работать, совершенствоваться, но и тратить себя в меру.

Трудно придерживаться этой меры. Если отдаешься роли целиком, переживаешь за нее,

пропускаешь как бы через себя, а уж затем передаешь все чувства, все настроение, всю любовь свою кукле — тряпичному тельцу. И загорается жизнь в обманчиво неподвижном, кукольном существе, и тревожит, и волнует оно детвору, и радует. Это потому, что актриса прежде всего любит маленького зрителя и играет для него, и выкладывает вся, до конца, тоже для него. Это потому, что актриса, еще читая пьесу, заранее влюблена в нее, еще пуше — в своего будущего героя — озорного мальчугана, пугливую мышонка, грозного старика, лису хитрющую.

Да мало ли пришлось сыграть необычных ролей! Кукольное искусство — искусство странное и загадочное, трагическое и забавное. Известный советский актер-кукольник, талантливый режиссер и драматург Е. Сперанский очень точно определил состояние актера за ширмой: «Живой актер прятается от зрителя и вместо себя показывает неживую куклу. Исчезают за ширмой сверкающие, полные жизни глаза актера — проводники его чувств, самое тонкое средство общения со зрителем и партнером, пропадает мимика, отражающая внутреннюю жизнь образа, и, наконец, — тело актера с его широкоим, свободным жестом... Если «человек — это звучит гордо», то в

том же высоком, гуманистическом смысле человек звучит и красиво: значит, за ширму уходит не только гордость, но и красота человека... Что же остается?..»

А остается кукла, неживая материя. Оно, это тряпичное существо, должно вызвать слезы, смех, сострадание, сочувствие, ненависть в сердцах зрителей. Способна ли кукла «потрясать» живое человеческое сердце? Роза Грибанова в этом не сомневалась. Она шла к этому. Ведь играющая кукла — одна из самых близких и понятных детям форм театрального представления. Нынешние малыши — это будущие взрослые зрители. Полюбят они театр с детства — пронесут эту любовь через всю жизнь. И потому маленькие зрители, сидя в театре, должны обязательно поверить, что кукле тоже бывает больно, радостно, холодно, обидно...

По-настоящему горевал Вовка Розы Грибановой в спектакле «Не буду просить прощения», когда понял, как обидел маму. В постановке «Братья-лебеди» Роза сыграла Марфу, серьезную, сложную роль. Неуверенно бралась за работу. Как-то больше привыкла мяукать, рычать, кукарекать. А тут — человек, мать. И героиня Розы Грибановой заговорила спокойным, грудным голосом, кукла наполнилась гибкими, выразительными движениями.

В «Божественной комедии» Роза пела, укачивая непослушную, лукавую Еву, первую женщину на земле. И пение это свободное, просторное, стало неотделимым от спектакля. Не было бы Евы, если бы не пела актриса.

В «Гусенке» Роза играет сразу за троих. Смотришь из зала и дивишься: как это она может так молниеносно превращаться из степенной, рассудительной колхозницы тети Дачи в коварно-игривую обманщицу Лису, из Лисы — в неповоротливую сонную Корову. И только за кулисами осеняет неожиданная разгадка: да ведь актриса не просто увлеклась спектаклем. Она забыла обо всем на свете, ничего и никого для нее нет рядом — только ее кукольные герои.

Одна из последних работ Р. Грибановой — Баба в «Курочке Рябе». Спектакль необычен тем, что сказочная пьеса в значительной мере осовременена. В нем показаны человеческие взаимоотношения между бабкой и дедом, трогательная их забота друг о друге, о курочке Рябе. Здесь важно не наскутить, не надоесть Бабе своими бесконечными хлопотами, показать в простом — сложное, но так, чтобы дети поняли самую суть спектакля.

Каждая новая роль для Розы — открытие, что-то неизведанное, неиспытанное. Вот и Баба — сразу чем-то поведало незнакомым, но заманчивым. У актрисы в руках готовая кукла: этакая толстая, яркая, добродушная. Нужно совсем немного: оживить ее. Но как? Роза просовывает одну руку внутрь куклы, другой берет руки кукольные (в спектакле использован впервые новый прием: вместо тростей — живые актерские руки), и происходит маленькое несомненное чудо — Баба улыбается, кланяется, движется. И вдруг она заговорила, заплескала, запела. И сама Роза не удержалась — на месте приплясывает. Зачем? Ее же не видно за ширмой. Но актриса не может иначе. Кукла ожила, образ зародился, проник сначала в душу актрисы, чтобы потом заразить собой целый зрительный зал.

Ах, какая славная бабка! Если бы не ее заботы, плохо пришлось бы Деду, чудачковатому простаку...

Да, Розе действительно повезло. Но не только ей. Повезло и тем, кто видит ее героев на ширме, слышит ее чудесный мягкий голос...

З. ЖУРАВЛЕВА.

Тула.